

Прозвенел звонок, и мужчина за кафедрой тут же захлопнул книгу — без лишних проволочек.

На выходе из класса он вдруг остановился и кивком подозвал Синь Жун, которая в этот момент записывала лекцию.

— Синь Жун, зайди ко мне в кабинет.

Почувствовав на себе недобрые взгляды одноклассников, мужчина невозмутимо развернулся и вышел.

В этом классе каждый ученик был либо из богатой, либо из влиятельной семьи, но двое из них выделялись особой опасностью.

Сы Чжо. Его предок еще во времена войны, опираясь на молодость, железную хватку и холодный расчет, сколотил состояние на крови. Он пробился с самого дна к вершине пирамиды, заставляя всех смотреть на себя снизу вверх. К поколению его отца, несмотря на выдающиеся способности, тот пустился во все тяжкие, и мать, с которой был заключен брак по расчету, ушла от него сразу после рождения сына. Сы Чжо с юных лет проявил себя и прочно закрепил за собой статус единственного наследника.

Ин Цзяо, та самая девушка, что только что обозвала учителя лысым чертом. Ее отец — председатель совета директоров биотехнологической корпорации, мать — знаменитая в научных кругах ученая. Они давно развелись, но наследница у империи только она одна. Мать одержима наукой, отец еще в молодости сделал вазэктомию, поэтому с ранних лет ее воспитывали как будущую главу корпорации, стоящую на вершине пищевой цепи.

Что до парня с золотыми волосами... в романе он почти не фигурировал, так, мелкий псих, Синь Жун даже не хотела запоминать его имя.

Она задумчиво посмотрела на эту парочку.

В будущем оба станут для главной героини самыми серьезными препятствиями на пути к мести. Если бы в финале главный герой внезапно не проявил доброту и не подставил их, а правительство не воспользовалось этим, чтобы свалить всю вину на них, они бы никогда не оказались за решеткой.

— Эй, немая!

Ее лицо сжали чьи-то пальцы. Ин Цзяо, даже подготовившись морально, не смогла сдержать секундного замешательства.

Взгляд девушки с каштановыми волосами постепенно прояснился, она нахмурилась и с явным раздражением цыкнула.

— Тебе запрещено ходить в кабинет к этому лысому черту.

Никаких причин, просто Ин Цзяо терпеть не могла этого типа. Если бы не его связи наверху, она бы давно его вышвырнула.

Ин Цзяо подалась вперед, сидя на стуле. У нее было лицо паиньки: никаких крашенных волос,

никакой косметики, лишь крошечная родинка под глазом. Но за этой маской послушания скрывалась непомерная гордыня.

— Слышала?

Синь Жун покачала головой, встала и вышла из класса.

Ин Цзяо, проигнорированная ею, тихо фыркнула и пнула парту. Это было место Сы Чжо, и само присутствие его стола ее раздражало. Она поманила пальцем нескольких парней.

— Переставьте мою парту сюда.

Те переглянулись и с ухмылками зашептались:

— Старшая, ты что, влюбилась?

— Эта немая и правда красавица, она весь урок даже не слушала.

— Понимаем, понимаем. Если бы немая мне улыбнулась, я бы готов был руку отдать, куда уж там тому парню тягаться.

Болтуны переставляли парту, придвигая ее вплотную к столу Синь Жун.

— Заткнитесь.

Ин Цзяо потянулась и издала неопределенный звук.

Да, ее мотивы были нечисты. Эта внешность заставляла ее хотеть надеть на девушку кандалы, подрезать ей крылья и запереть в золотой клетке под своим контролем. Но стоило только представить, как она причиняет ей реальную боль, как внутри что-то отступало.

В кабинете Синь Жун сидела на стуле. Мужчина с короткой стрижкой листал ее оценки, и она мгновенно ощутила знакомое давление.

— Твоя успеваемость оставляет желать лучшего. Хочешь, чтобы тебя отчислили?

Синь Жун машинально кивнула, но, осознав, тут же затрясла головой, как игрушечный болванчик.

Мужчина не сдержал улыбки при виде такой реакции.

— Разве плохо было бы уйти? Я вижу, тебе здесь не нравится.

Да и те мелкие паршивцы — они гнилые до мозга костей, если их вскрыть, внутри одна чернота. Если бы не руководство, которое связывало ему руки, и не буддийские молитвы, которые он слушал последние годы, он бы давно переломал им ноги — характер у него был не сахар.

Синь Жун опустила голову и начала печатать в телефоне:

— Даже если не нравится, я должна учиться.

Мужчина неожиданно спросил:

— Знаешь, как меня зовут?

Синь Жун замерла и честно покачала головой.

— Давай телефон.

Он взял ее смартфон, сохранил свой номер и, указав на контакт, сказал:

— Вэнь Гэ. Будут трудности — звони. Мне не надоеет, я все равно от скуки на стену лезу.

Девушка перед ним, опустив голову, что-то печатала. Даже медицинская маска не могла скрыть ее невероятного лица. Слишком притягательная. Одни только глаза чего стоили.

Вэнь Гэ с сожалением вздохнул про себя.

С такой внешностью ее даже в разведку не завербуешь. Представь: группа на секретном задании, а она выходит — и все взгляды на ней. Какая уж тут секретность? Живая мишень.

— До начала урока еще полчаса.

Вэнь Гэ взглянул на часы, открыл нижний ящик стола и вытащил гору всяких закусок — ярких, пестрых, вывалив их на стол.

— Ешь, учитель подкармливает.

Синь Жун удивленно подняла глаза. Кто бы мог подумать: суровый, жесткий мужик, а любит делать запасы сладостей.

Вэнь Гэ усмехнулся:

— Если те паршивцы будут тебя задирать, беги ко мне в кабинет.

Убить он их, конечно, не мог, но избить до полусмерти — вполне.

— Спасибо, учитель.

Вэнь Гэ был тем самым милым второстепенным персонажем из романа. Почему милым? Потому что при тотальном невезении он обладал поразительной живучестью. В армии он всегда брал на себя самый слабый боекомплект под самым плотным огнем. Другие отделялись переломами, а он вечно оказывался на грани инвалидности. Начальство, опасаясь его способности к саморазрушению в духе «тысяча врагов ценой тысячи своих», отправило его в эту школу присматривать за учениками, чтобы те не натворили бед.

Синь Жун, рассовав по карманам леденцы и шоколадные шарики, с трудом достала телефон. На экране всплыло сообщение.

Кто это?

Номер был незнакомым. Она открыла его, и ее лицо дернулось:

— Жена, скучала по мне? (//•/ω/•//)

К сообщению прилагалось фото. Дуань Шуюэ в противогазе стоял на фоне лежащих без сознания людей, показывая знак «виктория», такой счастливый, что, казалось, сейчас выпрыгнет из экрана.

Синь Жун быстро добавила его в черный список.

Раз уж ты называешь меня женой, я не могу не проявить характер, чтобы не обидеть тебя.

Вернувшись в класс, она увидела свою парту, придвинутую к парте Ин Цзяо. Синь Жун лишь мельком взглянула на это, но промолчала. Учитель, зашедший на урок, тоже не обратил внимания на перестановку и начал лекцию.

Синь Жун считала себя старше остальных, поэтому решила не обращать внимания на детские выходки. Но Ин Цзяо, казалось, с цепи сорвалась: то заденет руку, то ткнет в щеку, то начнет наматывать на палец прядь волос Синь Жун, как будто это ее собственные.

Ничего серьезного, но мелкие пакости не прекращались.

Синь Жун терпела, но в конце концов не выдержала.

К черту возраст! Разве то, что она старше, означает, что ее можно обижать? К тому же, сейчас они одноклассники.

Девушка с черными волосами с каменным лицом набрала текст вслепую и под партой показала экран Ин Цзяо:

— Мне это неприятно. Слушай урок молча.

Ин Цзяо, подперев подбородок, прочитала сообщение, сунула телефон обратно в карман Синь Жун, легла на парту, повернулась к ней лицом и закрыла глаза, при этом продолжая легонько тыкать ее пальцем.

Синь Жун невольно опустила взгляд и увидела на экране телефона новую строчку:

— Я замолчала. Забираю свои слова назад.

Она моргнула, кивнула, и, сосредоточившись, принялась за записи.

Второй урок — физкультура, вместе с другим классом.

Синь Жун переодевалась в раздевалке. Спортивная форма была ей велика, мешковатая, продуваемая всеми ветрами.

Ин Цзяо толкнула дверь, вошла и бросила взгляд на своих подруг. Те посмотрели на переодевающуюся Синь Жун и вышли в другую раздевалку.

— Синь Жун, Жун-Жун, А-Жун...

Девушка с каштановыми волосами сорвала галстук и склонила голову набок:

— Буду звать тебя А-Жун. «Немая» звучит ужасно.

Она подошла ближе, и острая неприязнь в ее глазах постепенно сменилась мягкостью.

— Я весь урок сидела тихо, ни слова не проронила.

Поэтому...

— Не смей меня ненавидеть.

Подростки, как же они раздражают.

Синь Жун покачала головой, показывая, что не ненавидит ее, подумала немного, протянула руку, потрепала Ин Цзяо по волосам и показала экран телефона:

— Ты была паинькой, я не злюсь.

В этом романе Ин Цзяо всегда оставалась равнодушным наблюдателем. Она считала остальных шутами, не опускалась до школьной травли, но была косвенным соучастником. То, что не делала она сама, делали ее приспешники, а она лишь холодно смотрела, как другие погружаются в отчаяние.

Цветок, у которого сгнили корни, продолжал цвести, но питал его уже не солнечный свет и вода, а власть и деньги.

Синь Жун не любила таких людей, но предпочла соврать.

Разве можно спокойно принимать внезапную симпатию хулиганки только потому, что она вдруг решила проявить к тебе интерес?

В чем тогда разница между ней и теми, кто потакает злу?

Мой друг издевается над людьми и совершает ужасные вещи, но он мой друг, он нежен и заботлив со мной, поэтому мне плевать на остальных, я забочусь только о себе — а до других мне дела нет.

Если бы Синь Жун могла так поступить, она была бы больна на голову. Есть границы, которые нельзя переступать: стоит один раз поддаться, и ты сам превратишься в чудовище, которое не узнаешь в зеркале.

Ин Цзяо прекрасно видела ложь в глазах собеседницы.

Она знала, за что ее ненавидят, и лишь насмешливо улыбнулась, делая вид, что ей все равно.

В конце концов, ненавидят не только ее одну.

— А-Жун, а ведь ты мне даже нравишься.

Ин Цзяо склонила голову и приложила палец к губам, призывая к молчанию.

— Поэтому я сделаю вид, что ничего не заметила.

<http://bllate.org/book/22538/2380464>